

Еще не столь давно общераспространенным было представление, что грамотность и письменность в Древней Руси были достоянием одних верхних слоев общества и духовенства. С успехами археологического и исторического изучения древнерусской культуры это представление быстро и решительно изживается. Поразительную картину грамотности широких масс народа раскрыли находки берестяных писем. Обе наши надписи дают новое, притом особенно убедительное, тому подтверждение. И людогощинский, и молотковский мастера — резчики крестов — не только люди грамотные, более того, они владеют тонкостями письменного образования, свободно пользуются системами тайнописи.

Наконец, надо отметить и то новое, что дают эти надписи в отношении истории самого искусства тайнописи. Существовавшее на Руси с XII—XIII вв., оно, как известно, получило развитие главным образом в XVI и XVII вв., притом преимущественно в книжной и деловой, например дипломатической, письменности. Наши надписи являют примеры знания и применения разных его систем гораздо раньше: одна — в середине XV в., другая еще на столетие ранее — в середине XIV в., притом в необычной для него области вещевой эпиграфики, следовательно, не писцами или переписчиками профессионалами, а мастерами-прикладникам, в данном случае резчиками по камню и дереву. Факт представляется немаловажным для истории просвещения на Руси.

А. П. БОПАНЕВ

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. С. ЛАППО-ДАШЛЕВСКОГО В ОСВЕЩЕНИИ С. И. ВАЛКА

Археографическая деятельность А. С. Лаппо-Дашлевского изучена мало, а между тем именно в ходе его работ по изданию исторических источников выработывались теоретические основы и практические приемы научной археографии, усвоенные в значительной части советскими археографами.

Издание грамот Коллегии экономии, над подготовкой которого Лаппо-Дашлевский работал и как руководитель-организатор, и как теоретик почти два десятилетия, было важным фактом исторической науки. Глубокая разработка теоретических проблем (о принципах отбора документов при публикации и их систематизации, о приемах передачи текста, о соотношении текста и научно-справочного аппарата) и их практическое осуществление в уже подготовленных томах «Сборника грамот Коллегии эконо-

мин» позволяют рассматривать подготовку и печатание их в качестве важнейшего этапа развития русской археографии.

Успешно вкладая Лаппо-Данилевского в археографию на этом этапе и посвятил свою последнюю работу С. Н. Валк. Справедливо считая «основным археографическим трудом» Лаппо-Данилевского именно «Сборник грамот Коллегии экономии», С. Н. Валк основное внимание уделяет истории этого издания.

Судя по обширным материалам, собранным С. Н. Валком и составившим 6 архивных папок (свыше 1000 листов), он задумал эту работу давно, но литературно начал обрабатывать ее в виде статьи, заказанной ему редакцией «Археографического ежегодника», лишь в последний год жизни.

Источники,¹ собранные С. Н. Валком, то в виде краткого конспекта-указателя к их содержанию, то и значительных по объему выписках, а то и в ксерокопиях распадаются в основном на две группы: протоколы Историко-филологического отделения и Общего собрания Академии наук и переписка Лаппо-Данилевского со специалистами-историками и с учреждениями. Так как все важные теоретические и практические вопросы обсуждались на заседаниях Отделения или Общего собрания Академии наук, то протоколы точно фиксируют общий ход работы по подготовке издания грамот. Обычная практика прилагать к протоколам записки академиков (Лаппо-Данилевского и его оппонентов) по обсуждаемым вопросам позволяет подробно выяснить мотивировку решений или отстаиваемых мнений. Фактические данные сообщают и годовые отчеты Лаппо-Данилевского, поданные им в Академию и также собранные С. Н. Валком. Что касается переписки в связи с изданием грамот Коллегии экономии (ксерокопии писем и материалов из московских архивов были изготовлены для С. Н. Валка по отбору С. О. Шмидта), то по ней прослеживается огромная борьба мнений между историками по кардинальным вопросам подготовки издания, выявляются организационные трудности и степень участия отдельных лиц в работе.

Собранные источники раскрывают многообразную деятельность Лаппо-Данилевского как археографа, однако они С. Н. Валком всесторонне не были обработаны и остались частью его архива. Лишь отдельные вопросы освещены в авторском тексте, обзору которого мы и посвятили данное сообщение.²

Текст статьи написан на 179 листах размером в четвертушку и менее, обычно на половине листа. В тексте много вставок, подчеркиваний, отметок: «добавить», «все подробнее», «здесь иначе», «проверить» и т. д. Все это показывает, что перед нами неоконченный, черновой текст, над которым автор работает. Незакон-

¹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 207, оп. 1, № 111—116.

² Там же, № 110.— Цитаты из статьи С. Н. Валка сопровождаются указанием листа в скобках.

целостность статьи видна и из ее построения. Смысловые разделы статьи, написанные каждый на скрепленных скрепками листах и озаглавленные карандашными пометами («Биографические данные», «Речь после избрания», «План издания», «С. Шумаков» и др.), размещены без логической последовательности. Отдельные разделы повторены в различных редакциях, некоторые сохранились в черновике и в белой копии.

«Писать об археографической деятельности Лаппо-Данилевского целого», — начинает свою статью С. Н. Валк (л. 1). Основная сложность возникает из того, что труды Лаппо-Данилевского «в этой области» не были завершены. С. Н. Валк отмечает, что основным археографический труд — издание грамот Коллегии экономии, — подготовке которого Лаппо-Данилевский отдал почти 20 лет жизни, вышел в свет в виде двух томов (из запланированных 20) уже после его смерти.³ С. Н. Валк разделяет мнение А. Е. Преспякова, что свойственная для Лаппо-Данилевского задержка в издании своих трудов объяснялась особенностями его творческой деятельности. Мыслитель, «полный труда и напряжения, тяжких сомнений и настойчивых исканий», Лаппо-Данилевский давал свои работы в печать частично и «больше под давлением тех или иных внешних условий», ибо «публикация своей работы приносила ему не столько радость достижения . . . сколько тягостное сознание недостаточности больших затраченных усилий и предстоящей бесконечной упорной дальнейшей работы».⁴ «О трагическом горении, внутренней раздвоенности, страдании и неудовлетворенности» своего учителя говорит и другой ученик Лаппо-Данилевского — Н. Болдырев.⁵ «На археографической деятельности, — пишет С. Н. Валк, — эти черты характера Лаппо-Данилевского сказались в полной мере» (л. 4). Слова С. Н. Валка следует понимать так, что постоянный поиск, самокритичность и самопроверка заставляли Лаппо-Данилевского вновь возвращаться к уже решенным вопросам, а это, конечно, замедляло исполнение археографических работ и особенно их, ибо в археографии отступления от принятого решения даже в маловажном вопросе вызывают необходимость большой новой работы.

Хотя главный труд Лаппо-Данилевского по археографии не был закончен, С. Н. Валку тем не менее удалось осветить некоторые стороны археографической деятельности Лаппо-Данилевского, основываясь на промежуточных документах. Говорю «некоторые стороны» не в упрек, конечно, С. Н. Валку, ибо если бы

³ Сборник грамот Коллегии экономии, т. I. Грамоты Двинского уезда. 116., 1922; т. II. Грамоты Двинского, Кольского, Кевароло-Меанецкого и Вижского уездов. Л., 1929.

⁴ Преспяков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. 116., 1922, с. 5—6.

⁵ Болдырев Н. А. С. Лаппо-Данилевский. — Мысль, 1922, № 1, с. 152.

его статья была окончена, характеристика археографической деятельности Лаппо-Данилевского была бы несомненно всесторонней.

В первой части статьи С. Н. Валк исследует ранние археографические работы Лаппо-Данилевского. Он обращает внимание на предисловия Лаппо-Данилевского к изданиям Археографической комиссии. В этих предисловиях Лаппо-Данилевский формулирует основные положения обязательной источниковедческой интерпретации документов, предлагаемых читателю.

Так, в предисловии к Кормленной книге Костромской чети, подготовленной А. И. Зарцаловым (РИБ, 1894, т. XV), Лаппо-Данилевский определяет особое место источника среди других аналогичных документов, выясняет исключительно фискальную цель ее составления и показывает, какой большой материал для истории уездного дворянства представляет эта книга. Еще выше С. Н. Валк оценил предисловие Лаппо-Данилевского к Нижегородским писцовым и переписным книгам, вошедшим в XVII том РИБ (1898): «Предисловие в таком составе и в таком исполнении явилось в тогдашней археографии образцом теоретически продуманного, разностороннего его построения» (л. 16). Каков же это «состав предисловия», который назван С. Н. Валком «образцовым»? С. Н. Валк отвечает: во-первых, здесь мы найдем суждение «об общем источниковедческом значении писцовых книг, как материала первостепенной важности для изучения истории тяглых классов русского общества XV—XVII вв.» (л. 14); во-вторых, сведения об истории составления издаваемых писцовых и переписных книг; в-третьих, дапо палеографическое описание рукописей; в-четвертых, изложены приемы издания (передача текста) и, наконец, в-пятых, определен состав указателей. Отметим Лаппо-Данилевский и конкретный исторический материал, содержащийся в издаваемых книгах для изучения социальной и экономической истории России. Новые элементы предисловия к документам С. Н. Валк отметил в предисловии Лаппо-Данилевского к «Записной книге крепостным актам XV—XVII вв., предъявленным дьяку Алябьеву» (РИБ, т. XVII).

Вслед за общей характеристикой источника, подробным палеографическим описанием (приведены флиграны, определены писцы) и указанием текстологических особенностей (повторы и пропуски текста, несогласованности) Лаппо-Данилевский вводит совершенно новый раздел — дипломатическую характеристику документов по разновидностям, которая дополнена алфавитной таблицей актов, включенной в состав указателей. Состав предисловия Лаппо-Данилевского, варьирующийся в зависимости от характера издаваемых документов, намечен был так продуманно, что удержался в нашей археографии. Достижения Лаппо-Данилевского в области археографии были признаны Академией наук. При избрании его в академики в 1899 г. было отмечено, что издания, редактируемые Лаппо-Данилевским, отличаются «удач-

ным и точным воспроизведением текстов, снабженных криптографическим аппаратом», и сопровождаются «введениями», посвященными «ученой разработке той или другой специальной темы» (л. 21).

Понятно, что после своего избрания Лаппо-Данилевский возглавил археографическую работу в Академии. Именно ему было поручено составить «План издания архивных документов XVI—XVIII вв.». Ознакомившись с архивной деятельностью в ряде европейских стран (Лаппо-Данилевский посетил с этой целью Германию и Австрию), Лаппо-Данилевский выполнил поручение Академии — план был готов в 1900 г.

Характеризуя этот план, С. Н. Валк связывает его содержание с общенсторическими взглядами ученого. Так, положение Лаппо-Данилевского о том, что «законосообразность истории легче всего обнаружить в развитии явлений хозяйственного, а не духовного порядка» (л. 24), объясняет его предпочтение среди прочих источников «частных актов», так как именно они, связанные по своему назначению и происхождению с народной жизнью, содержат много сведений о хозяйственной и духовной жизни народа. Поэтому издание частных актов Лаппо-Данилевский поставил в центр своего плана издания архивных документов XVI—XVII вв. Это последнее реализовалось бы, по мнению Лаппо-Данилевского, с наибольшей полнотой, если бы Академия издала коллекцию грамот Коллегии экономии, содержащую большое число частных актов: духовных, купчих, дажных, разделных, меповных и т. д. Это издание отразило бы «назревшие нужды исторического изучения» (л. 43), «обратившегося в 80—90-х годах XIX в. в сторону исследования социально-экономических явлений» (л. 39). Издание коллекции грамот Коллегии экономии удобно тем, что эта коллекция однородная, по объему большая (около 15 тыс. актов), в науке уже частично изученная и известная по трудам С. Шумакова, чиновника Московского архива Министерства юстиции, где грамоты Коллегии экономии и хранятся.

«План» Лаппо-Данилевского был принят Академией. Излагая первый приступ Лаппо-Данилевского к выполнению плана, С. Н. Валк подчеркивает сугубую его осторожность (л. 47). Прежде всего он обратился с рядом вопросов к ведущим историкам того времени относительно состава и структуры нового издания: а) следует ли издавать только коллекцию грамот Коллегии экономии, находящуюся в МАМЮ, или присоединить акты, рассеянные по другим архивам; б) следует ли перепечатывать уже опубликованные акты; в) как расположить грамоты — по уездам, территориям или в общей хронологии; г) как строить указатели. С. Н. Валк в живой форме излагает различные мнения. В двух случаях С. Н. Валк не удержался от скрытой полемики. Так, излагая мнение П. Н. Милюкова, что коллекция грамот Коллегии экономии есть «случайная группа актов», объединенная местом хранения, и поэтому по ее отдельное издание, «а издание

всех грамот до XVII в.» — задача историков, С. Н. Валк замечает: «Теперь мы хорошо знаем, что под силу оказалось выполнение такой задачи Академии, только уже советской» (л. 50) — и тем самым признает тогдашний план Лаппо-Данилевского оправданным и реалистичным. Точно так же С. Н. Валк считал более реалистичным издавать грамоты по уездам, объединенным в 5 исторически сложившихся округов, как предлагал Лаппо-Данилевский, а не в общем хронологическом ряде, как предлагали В. О. Ключевский, П. Н. Миллюков, И. Н. Миклошевский и С. В. Рождественский. Возражения против издания грамот Коллегии как коллекции «случайной», созданной в результате архивной судьбы ее, высказываются в нашей археографической литературе до сих пор. Лаппо-Данилевскому ставят в укор, что он искусственно дробит источники, нарушает единство и т. д. Мнение С. Н. Валка, высказанное им в последней своей статье, звучит как протест против таких обвинений. Реальное положение дел обусловило реальный план издания Лаппо-Данилевского.

Важнейшего в археографии вопроса о приемах передачи текста, разработанных Лаппо-Данилевским, С. Н. Валк почти не касается. А он намеревался это сделать. Говоря о внимании Лаппо-Данилевского к вопросам передачи текста исцовых и переписных книг (в XVII томе РИБ), С. Н. Валк пишет: «Они, как увидим в дальнейшем, явились предметом бесприкословного признания со стороны авторитетнейших представителей тогдашней филологической науки» (л. 15). В дальнейшем в статье этого текста нет, С. Н., видимо, его не успел написать. Он коснулся лишь частного вопроса этой темы — о сокращенном издании грамот. Регесты как способ издания были предложены Лаппо-Данилевским (для актов до XVII в. они оспорены были П. Н. Миллюковым) со ссылкой на западноевропейский опыт. Однако Лаппо-Данилевский пошел и дальше. «Склонный к условным математическим обозначениям, — пишет С. Н. Валк, — Лаппо-Данилевский сделал опыт применить прием сокращения текста, неизвестный еще ни в западной, ни в русской археографии» (л. 119), путем «замесы встречающихся в тексте затверженных формул особыми условными обозначениями» (л. 119). Это бы способствовало «ужатию» издания с 20 томов до 16 $\frac{1}{2}$, но не лишило бы исследователей доступа к полному тексту документа», так как с помощью особой таблицы при таких сокращениях текст может быть восстановлен. Н. В. Барсук, которому Лаппо-Данилевский поручил учет формул или близких к ним выражений, в 1902 г. учел их уже 200, а к 1903 г. — около 3 тыс. Как известно, этот прием не был применен в издании, в Архиве ЛОИИ СССР сохранилась лишь обширная картотека формул, которая, вероятно, могла бы быть полезной при изучении разновидностей актов.

Большое место С. Н. Валк уделяет вопросу выяснения отношений Лаппо-Данилевского и С. Шумакова, которые были омрачены «глубоко печальными явлениями» (л. 117). Общий характер

отношений Лаппо-Данилевского и С. Шумакова определяется следующей фразой Валка: «Начало отношений было ознаменовано, казалось, дружественнейшей договоренностью об общей работе, а на завершающей стадии после 12-летней работы Шумакова для издания грамот Коллегии Экономии его имя оказалось никак не упомянутым в числе участников этого дела» (л. 117). С. Н. Валк объективно излагает материал об огромной работе С. Шумакова над грамотами Коллегии экономии задолго до того, как за них принялся Лаппо-Данилевский, о восторженном отношении Шумакова к плану Лаппо-Данилевского, о его желании быть «соратником» (л. 62), уверенным, что в проделанной им работе Лаппо-Данилевский найдет «много полезного», что издание грамот — их, т. е. Лаппо-Данилевского и Шумакова, «совместное дело». Оптимизм Шумакова подкреплялся, вероятно, тем, что в своем «Плане» 1900 г. Лаппо-Данилевский называл его «добросовестнейшим тружеником, глубоко преданным делу» и успех будущего издания, как отмечено выше, отчасти связывал с проделанной Шумаковым описательной и публикаторской работой. Показал С. Н. Валк и трепня, возникшие между Лаппо-Данилевским и Шумаковым. Планы издания грамот, предложенные Шумаковым (первый — издать грамоты в трех томах: частные акты, государственные акты, записи; второй — издавать грамоты по мере их описания им, Шумаковым; третий — издать грамоты по разновидностям), не могли быть приняты Лаппо-Данилевским, так как противоречили основным положениям его плана. Противоречия возникли и по поводу приемов передачи текста. Вопрос о выработке плана издания, а также о приемах издания грамот, пишет С. Н. Валк, оказался, «можно сказать, трагическим для взаимоотношений обоих, казалось, в начале одушевленных простой общей задачей издания» (л. 69). Но вряд ли здесь С. Н. Валк полностью прав. Видимо, с планом и с приемами издания Шумаков примирился, ведь в течение 12 лет он работал для Лаппо-Данилевского в осуществлении именно его плана. Дело в другом. Как показывает материал статьи С. Н. Валка, Шумакова не устраивала та роль, которую ему отвели в этом «великом деле», — роль архивного переписчика. Шумаков это понял сразу: уже в письме 14 III 1902 Шумаков писал, что его «покоробило» (л. 62), когда он из «Отчета» Лаппо-Данилевского понял, что тот «объявляет это дело единоличным, когда оно на самом деле коллективное», и что он не считается (л. 62) с уже проделанной работой Шумакова над грамотами. Противоречия с годами углублялись. Тягостные «для обеих сторон отношения» закончились полным разрывом в 1912 г. С. Н. Валк придает «немалое значение . . . личным особенностям обоих столкнувшихся на этом деле лиц» (л. 73). Правда, он говорит лишь о личных особенностях С. Шумакова: чиновник архива, неужившийся с начальством (начальник архива Самоквасов всячески преследовал его, ставил препятствия в его работе над гра-

мотами Коллегии экономии) и с сослуживцами, человек одинокий («я вполне одинок и близких у меня никакого нет») (л. 76), неудачник («я слишком запуган и забит жизнью. Никогда она меня не баловала») (л. 74), и совсем не характеризует Лаппо-Данилевского. Высокое положение, связи, научные и общественные успехи позволяют полагать, что Лаппо-Данилевский был недостаточно внимателен к труду и личности Шумакова, отсюда осложнения их отношений. Но почему разрыв произошел в 1912 г.? С. Н. Валк это не объясняет, вернее, не успевает объяснить. Причина же, мне кажется, состоит в том, что именно в этом году Московский архив Министерства юстиции выдвинул идею самостоятельного издания грамот Коллегии экономии. Академия не возражала, что к столь обширному фонду грамот присоединится еще один издатель, только потребовала, чтобы издание Архивом велось в том же порядке и с соблюдением принципов, выработанных Археографической комиссией, т. е. Лаппо-Данилевским. Хотя инициатива Архива была пресечена высшим академическим начальством (президентом Академии наук), но одно появление такого плана осложнило положение С. Шумакова как чиновника Архива и содействовало полному разрыву с ним Лаппо-Данилевского. Академия порвала с Шумаковым полностью и вычеркнула его из числа участников издания, что, конечно, не может быть оправдано.

Из других археографических работ, проводившихся Лаппо-Данилевским и его кружком, С. Н. Валк упоминает записку Лаппо-Данилевского 1902 г. о необходимости издать Русские законодательные памятники в виде серии, включившей в свой состав законы после Уложения, напечатанные в Полном собрании законов ненаучно (без соблюдения единых правил, без истории текста законов и разных его редакций), и дипломатические памятники Лаппо-Данилевского, связанные с изданием грамот Коллегии экономии. Если в отношении издания законов дело ограничилось составлением их списка (он есть у С. Н. Валка) и назначением составителей, то в отношении актов историком-ведения были достигнуты несомненные успехи. Лаппо-Данилевский, как известно, привлек кружок университетских студентов, предложив им в 1903 г. начать работу по составлению каталога частных актов. Библиографические работы по различным изданиям поиски актов первоначально имели утилитарную цель — сообщить о напечатанных актах, так как было решено их перепечатать в готовящемся издании грамот. Вместе с тем составление каталога потребовало от членов кружка внимательного анализа каждой разновидности акта. В результате коллективных усилий семинар дал научное определение всех важнейших видов актов, что было большим шагом в нашей дипломатике.

С. Н. Валк и как участник семинара и на основе архивов восстанавливает фактическую историю каталога частных актов.

В 1905 г. Лаппо-Данилевский констатировал, что каталог частных актов достиг таких размеров, что уже начато распределение актов по разновидностям. В 1911 г. Лаппо-Данилевский предложил каталог к печати, правда, в 1915 г. (по его отчету) работа над каталогом еще продолжалась. Продолжалась она и в последующие годы, после смерти Лаппо-Данилевского. С. Н. Валк с сожалением сообщает, что каталог «неосмотрительно» остался на частной квартире одного из участников работы. Во время блокады Ленинграда «вся многолетняя невознаградимая работа погибла» (л. 163). После войны С. Н. Валк всегда с сожалением говорил об этой утрате. В Архиве ЛОИИ сохранились черновые картотеки, в которых отражены публикации актов в епархиальных изданиях ряда церковных округов.

Неоднократно в личных разговорах С. Н. Валк говорил о терминологическом словаре частных актов как о коллективной работе участников кружка Лаппо-Данилевского. Изучая огромное число актов, участники кружка составили большой словарь наименований актов, что позволило судить о том, какими терминами обозначалась та или иная разновидность акта.

22 февраля 1917 г. Лаппо-Данилевский предложил «важный для филологической науки» терминологический словарь к печати, составленный «под его наблюдением участниками его исторического семинара» (л. 168). Однако словарь вышел только в 1922 г. без упоминания его имени и участников кружка, но с отметкой «под редакцией и с предисловием А. П. Андреева». Этим замечанием, восстанавливающим историческую справедливость, мы и закончим обзор последней работы С. Н. Валка, которую он оставил на своем столе, уходя в больницу.

Как видим, статья далеко не окончена не только потому, что в иных местах текст конспективен, оборван на полужеле, литературно не обработан, но и потому, что целые разделы темы, как вопрос о приемах передачи текста, о ходе выработки общих правил издания, об организационной стороне печатания двух томов «Сборника грамот Коллегии экономии», не затронуты. Тем не менее на этот труд С. Н. Валка следует обратить внимание. С. Н. Валк часто говорил, что два тома «Сборника грамот Коллегии экономии» почему-то не пользуются успехом у историков — на них нет почти ссылок в литературе. А ведь они (эти «Сборники») были школой для нашей археографии. Статья С. Н. Валка является первой попыткой осветить этот этап нашей историографии.